

ГРИГОРИЙ МОРОЗОВ

НАРИСОВАНАЯ АРМИЯ

Григорий Морозов

Нарисованная армия

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42756480

ISBN 9785449694638

Аннотация

Автор давно окончил юрфак и военную кафедру, но полученные знания не давали покоя. Как насчет учений «Запад» в Европе? Пусть для этого придется оформить военный Шенген, научить немцев делать вино «Улыбка» и со стулом в руках биться за сердце прекрасной дамы в погонах. Лето будет жарким: с похищением средств на урожай, заправкой самолета по карте «Мир» и мобилизацией «мерседесов». Герой иронично смотрит на происходящие вокруг события, а главное – за буквами законов видит человеческие отношения.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	29
Глава 3	45
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Нарисованная армия

Григорий Морозов

Иллюстратор Григорий Морозов

Дизайнер обложки Роман Веденисов

© Григорий Морозов, 2019

© Григорий Морозов, иллюстрации, 2019

© Роман Веденисов, дизайн обложки, 2019

ISBN 978-5-4496-9463-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

Город, где учатся герои нашего рассказа, слишком известен, чтобы его называть. Каждый поймёт, что это за место, когда найдёт там что-то уже знакомое.

Шёл март 1999 года. Ещё только начало весны, почти что зима, но весной уже пахло в воздухе. Хотелось чего-то нового, хотелось изменений в мире. Дома и на работе люди вовсю спорили, будет ли на новый, 2000 год коллапс всей электроники, заточенной под цифру 1 в начале. Спорили об этом и здесь – на юридическом факультете, хотя для юрфака это была не первостепенная проблема.

Весна и перемены уже заглядывали сюда, старая советская юриспруденция постепенно уступала место новой. Новый Уголовный кодекс, новый Гражданский кодекс, состоящий из многих частей. Спешно печатались новые учебники. А в недрах парламента уже были готовы родиться новые Трудовой и Уголовно-процессуальный кодексы. При этом в повседневной жизни новая волна совсем не была такой заметной. Факультетская столовая была всё такой же старой, с причудливыми композициями из засушенных веток на стенах. За окном с грохотом шли те же самые старые трамваи, что заезжали сюда, на остров, и двадцать лет назад. Правда, бумажные читательские билеты уже заменили

на пластиковые карточки со штрихкодом. Вместо привычных советским студентам полусладкого грузинского и прочих плодово-ягодных вин, разливного пива из желтых цистерн-бочек и горьких прибалтийских бальзамов после лекций здесь пили полусладкие красные «Монастырскую избу» и «Медвежью кровь» из Болгарии, тёмные и светлые «Балтику» и «Степана Разина», миндальный ликёр «Амаретто» с красивой квадратной пробкой.

Была пятница, между четырьмя и пятью часами дня. На улице уже стемнело; перестал идти мокрый снег, шедший до этого весь день.

Пара, последняя на сегодня, опять началась не вовремя – когда очередь на столовской раздаче уже подошла. В опустевшей юрфаковской столовой третьекурсник Владимир оплатил кассирше мясные тефтели, тарелку варёной гречки, салат из рубленой капусты с солью и маслом, стакан компота из сухофруктов и двинулся к столику у дальней стены, напротив входа. Небольшой зал на двенадцать столов был занят наполовину, но с Володиного потока никого – все на паре.

Володя поглощал свой обед в быстром темпе. Нож в железном ящике с приборами он взял, но так и не использовал его – жирные тефтели для скорости он поделил пополам ребром вилки. Из круглой белой пиалы он стремительно доел

салат, называемый здесь «сечка». Владимир учился не первый год, и ему уже случалось прогуливать пары. Но именно на эту пару он хотел попасть – почти так же, как хотел поесть. Преподаватель же был строгий и не пускал в зал уже через пятнадцать минут после начала лекции.

Покончив с тефтелями, – Владимир решил, что они сегодня определённо удались, – он залпом выпил компот из стакана, оставив на доньшке сморщенный остаток груши и горстку жёлтых ягод. Поднос с грязной посудой в стойку для этих подносов он вбил шумновато – один из обедающих обернулся и посмотрел Володе вслед, но увидел только убегающую спину – ему нужно было ещё успеть подняться на четыре этажа вверх.

Лифта для людей у них на юридическом факультете не было – только грузовой библиотечный, для книг. Но даже будь там пассажирский лифт, Володя бы его обогнал. Опоздав всего на восемь минут, он через заднюю дверь вошёл в зал и, слегка пригибаясь, боком прошёл к столу, за которым сидел его лучший друг Женья.

Профессор Горелов, не прерывая чтения лекции, неодобрительно посмотрел на Володю из-под сидящих бровей. Про профессора говорили, что он был учредителем одной из первых в городе частных юридических консультаций «Горелов и партнёры» (как шутил Володин одноклассник Ро-

ман – «фирма „Горелов и половые партнеры“»), что он по-прежнему практикующий юрист, а также что он учился на одном курсе с полпредом президента по городу и оттого все время пропадает где-то вне факультета и приезжает за пять минут до лекции, и не на трамвае, а на зелёном седане «Пежо». У них на потоке профессор Горелов читал гражданское право.

Володя добрался до своего места, извлёк из рюкзака большую тетрадь в ледериновом переплёте и коротко пожал Евгению руку: друзья уже здоровались с утра, на первой паре. Женя был одет как обычно: светло-серый бадлон, поверх него – чуть вылинявшая рубашка бежевого цвета из плотной ткани, с блестящими металлическими пуговицами, чёрные джинсы, ремень с тяжёлой пряжкой. Кожаная зимняя куртка с барашковым воротником висела тут же, на спинке стула. Его коротко стриженные тёмные волосы были причёсаны ровно, только чёлка на лбу предательски топорщилась вверх. «Наверное, вчера сходил подстричься», – решил Володя, глядя на Женину причёску в профиль.

Выражение лица Жени было сосредоточенным, даже сумрачным. Поздоровавшись с Володей, он снова взялся за авторучку и погрузился в чирикание своего конспекта – раскрытой тетради на 48 листов.

Володя чуть тронул Женю за плечо:

– Чего сегодня?

– Вот. – Видимым усилием Женя отвлёкся от своих записок и подвинул к Володе свою тетрадь. Среди спиралей, стрелочек и контура самолёта-истребителя «Стелс» наискосок страницы проходила надпись: «Защита права собственности и других вещных прав». Женя считал, что он всё хорошо запоминает, и не заморачивался насчёт ведения конспекта. Почти на все занятия, кроме английского языка, он ходил с этой же тетрадью.

– Понятно, – улыбнулся Володя и тут же икнул, еле успев закрыть рот.

– Есть пришлось быстро? – Женя не смог сдержать улыбки.

– Да, – тоже со смехом выдавил Володя.

Женя придвинул конспект обратно к себе. Половину правой страницы у него занимала сложная многоклеточная таблица, похожая на sudoku или пирамиду индейцев майя. Ячейки таблицы были заполнены значками двух видов. Женя, думая о чём-то своём, заштриховывал те или другие клетки по одному ему ведомой системе, и только такие важные объявления, как название новой темы, могли заставить его записать в конспект что-то относящееся к предмету.

Володя хотел ещё спросить Женю про то, чем тот так озабочен, но заметил, что профессор Горелов снова посмотрел на них. Потом, в перерыве выясним.

С использованием сокращений и придуманных им самим аббревиатур Володя начал записывать лекцию, с того места, на котором пришёл, – про защиту прав не-собственника. А ведь всё это наверняка можно прочитать и в учебнике.

Володя осмотрелся в зале. Лампы дневного света отбрасывают блики на бледно-зелёные стены. Позади целый день лекций и семинаров, но всё равно все заняты конспектированием. Вон только чуть позади ещё один Володин друг – одногруппник Боря, пригнувшись, режется в шахматы с рыжим парнем из какой-то другой группы. У Бори третий юношеский разряд, но тот рыжий тоже не промах. Эмоциональная реакция на удачные ходы время от времени слышна и впереди, и профессор Горелов уже несколько раз задерживал взгляд на игроках.

И ещё дальше, почти на самой задней парте, Инна из Жениной группы увлечённо разбирает пачку ксерокопий: наверняка в перерыве скопировала чей-нибудь отличный конспект и сейчас раскладывает листы по порядку. Она очень любит танцевать, любит тусоваться в ночных клубах, и ей некогда самой записывать все лекции подряд.

Но в основном все всё-таки пишут. Вон девочки на первых рядах строчат, не поднимая головы. Даже Рома, отложив взятую почитать у соседа слева газету «Вчера», увлечённо пишет про истребование из чужого незаконного владения.

Вот впереди приятели рыжего шахматиста склонились над тетрадями.

Как же тяжело вести конспект после сытного обеда! Володя дописал тему, записал название следующей. Скукота. Гражданское право как предмет его совершенно не увлекало. Оно какое-то неосязаемое, набор отвлечённых юридических конструкций, как в римском праве или праве Древнего Египта. Лица, вещи... как какие-нибудь интегралы или матрицы в алгебре, которые нельзя потрогать.

То ли дело уголовное право. Тут стало интересно уже с первых лекций по предмету. Возраст наступления уголовной ответственности. Смягчающие и отягчающие обстоятельства. А уж когда пошла особенная часть Уголовного кодекса! Убийство и формы умысла на него – если он не хотел убивать, то зачем же тогда заранее выдернул штакетину из забора и шёл с ней к дому жертвы два километра? Один геолог подстрелил другого геолога в кустах на том берегу реки, думая, что там сидит медведь. Виновен – или невиновен?

Старшие курсы говорили, что задачи в задачнике основаны на реальных событиях. Тем невероятнее казались задачи из раздела о преступлениях против половой неприкосновенности. Представился девушке следователем, пригласил её в подвал дома, где на верхнем этаже располагалась прокуратура, под предлогом снятия отпечатков пальцев ног ве-

лел раздеться догола и вступил в связь. Когда шла лекция про половые преступления, ажиотаж был такой, что на вторые полпары сбежался весь курс – все, кто закосили первую половину. Или вот ещё задача: вечером в гостинице постоялец-мужчина, нетрезвый, женатый, ошибся номером, разделся, лёг в кровать к женщине; та его пожурела, что так поздно пришёл, потом они вступили в связь, а наутро она обнаружила, что это не её муж, и написала заявление об изнасиловании.

Володина тяга к уголовному праву имела объяснение. От людей этой профессии с очевидностью веяло романтикой. Не воровской романтикой, а романтикой в рамках закона, разумеется. С экранов кино и страниц книг на Володю смотрели следователи с немного усталыми лицами, которые, жуя зубочистку, не спеша распутывали самые сложные дела.

Поэтому после выпуска Володя хотел поступить на службу в органы прокуратуры.

Мама – юрист-международник и папа – начальник правового управления в областном законодательном собрании также Володю поддерживали.

Ещё Володю с детства привлекали поезда, так что, если бы на юрфаке имелась специальность «железнодорожное право», он пошёл бы учиться именно на неё.

Здесь была бездна примеров прекрасного правового регу-

лирования, на стыке рельсов и права. Например, звуковые сигналы на железной дороге имеют одинаковое значение как в светлое, так и в тёмное время суток. Или же правовой термин «воздушный поток», который образуется вокруг движущегося поезда и может снести стоящего у путей человека.

Или вот рассказывали один пример, практически обычай делового оборота, как сказали бы юристы. Когда на станции встречаются два поезда со стройотрядами из одного института, проводники поливают друг друга водой из тамбуров!

Идеальным сочетанием, «работой мечты» Володе виделась служба в транспортной прокуратуре. В его городе была такая прокуратура. Очень небольшая, правда, всего четыре человека – прокурор, его зам, помощник и секретарша. Он даже сделал доклад на профильном кружке на тему «Суд метрополитена». Доклад был построен на простом и понятном тезисе. Поскольку существуют управление внутренних дел на метрополитене и прокуратура на метрополитене, то, несомненно, следует образовать и суд метрополитена. Доклад заслужил массу улыбок и вопросов вроде того, на какой глубине следует поместить этот суд. Но Володя не унывал и был на тему своего будущего настроен оптимистично.

Единственным сколь-нибудь весомым аргументом за изучение гражданского права было то, что работа в прокуратуре на транспорте – это не только борьба с хулиганством

и кражами рельсов, но и распутывание хозяйственных махинаций. Но тут Владимир был уверен, что нужные разделы он освоит потом – когда будет нужно. Главное – когда будет ясно, что именно из всех этих многочисленных правовых конструкций будет нужно ему по работе. А пока некоторые из видов договоров казались больше похожими на сексуальные извращения – лизинг, факторинг, – чем на отношения юридических лиц между собой.

Надо также сказать, что увлечение железными дорогами сделало Володю знатоком всевозможных закоулков и тропинок среди красивой, старой промышленной архитектуры. Жанр арт-фотосессий на фоне всевозможных кирпичных стен, увитых плющом, ржавых труб и заросших бурьяном вагонов ещё только входил в моду, а у Володи наготове было по меньшей мере пять необычных фотолокаций. Несколько раз он даже заработал на этом своём увлечении, проводя для гостей города экскурсии, которых им не предложат в обычном турбюро.

– Так, вы двое, на задней парте! Перестали отвлекать других и покинули аудиторию! – игрой в шахматы профессор Горелов так и не проникся.

Боря и рыжий парень подхватили свои пальто, рюкзаки, конспекты и пошли осторожно, боком продвигаться между парт к выходу из зала. В правой руке, как вазу, стараясь

не растрясти, Борис нёс главное – маленькую шахматную доску с воткнутыми в неё фигурками.

Володя с сочувствием обернулся: «Что за жизнь! Предмет такой дурацкий, в голову не лезет, и ещё тут такие строгости!»

С этими мыслями Володя отлистал конспект на несколько страниц назад и открыл разворот, на котором не было ни строчки текста. Там разворачивалась картина, только не маслом, а синей шариковой ручкой. С одного края страницы к другому ехали танки, за ними – боевые машины пехоты, из укрытий вела огонь артиллерия. Из стволов орудий вырывались кружки нарисованного дыма, за танками тянулись следы гусениц – поперечные бороздки. Местность Володя изобразил слегка холмистую: Европа, луг, ёлки, мельница, посередине – река. На вражеской стороне – разбитые дома, коровники, коровы в страхе разбегаются от разрывов, а одна корова уже плывёт по нарисованной реке ногами вверх. С воздуха наступление наших войск прикрывали два штурмовика, кукурузник Ан-2 сбрасывал парашютистов около ветряной мельницы.

Авиационное прикрытие ещё не было дорисовано до конца, звено истребителей Володя начал рисовать ещё на прошлой лекции. Для большого бомбардировщика было зарезервировано пустое место слева вверху.

В центре позиций российских войск была нарисована

ферма, среди бараков с торчащими досками над фермой возвышалось зернохранилище – элеватор. На самом верху элеватора высывался по пояс человечек со стереотрубой. Рядом с человечком чёрной ручкой была поставлена крохотная цифра 1 – это был командир наших войск, генерал-майор Салтанов Владимир Сергеевич, он же Володя.

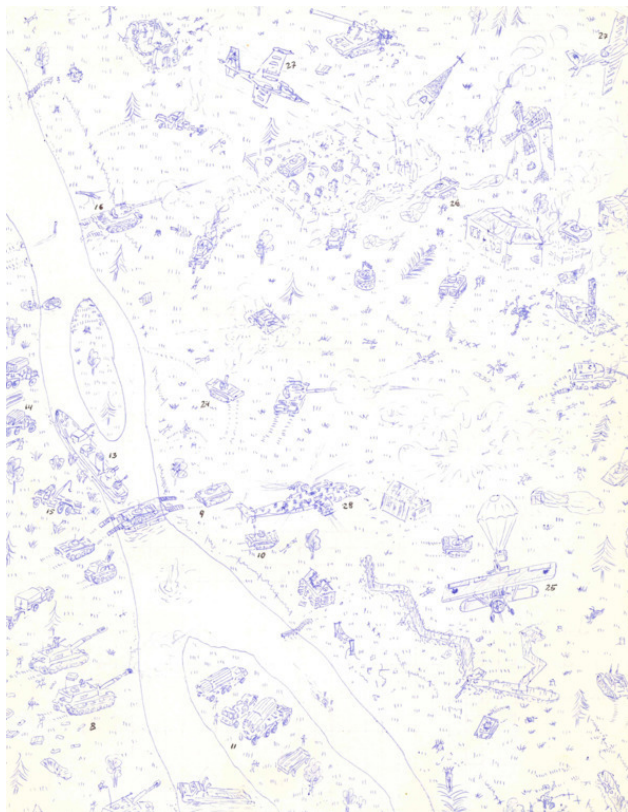
Володи, ещё был его лучший друг, генерал-майор танковых войск Евгений Шуршалин, уже закрасивший почти все клеточки в своей сложной таблице.

Художественное творчество Владимира как-то раз заметили на военной кафедре, куда все парни ходили по средам. Подполковник – преподаватель тактики – сказал, что войска на картине построены не совсем грамотно, зато бронемашин и ракеты нарисованы очень натурально, реалистично. На кафедре тактики был кодоскоп – проектор, передававший изображение с прозрачной плёнки на экран на стене. Володе дали пачку листов такой плёнки и справочник по военной технике стран НАТО с указанием, какие именно танки нужно зарисовать на пленку. При этом его освободили от занятий – от тактики, от топографии. Это несколько огорчило Володю: вот эти лекции, в отличие от Устава гарнизонной и караульной службы, ему нравились. Поэтому он нарисовал все порученные ему «Мардеры», «Брэдли» и «Абрамсы», с лёгким сердцем отдал подполковнику комплект плёнок с рисунками и больше свой конспект с картиной боевых действий на военной кафедре не светил.

На пару Володя опоздал сегодня потому, что ездил в городское управление юстиции. Там он должен был согласовывать проект устава фонда – общественной организации, которую сам же и учреждал. Учреждал он его изначально на продажу. Но буквально на прошлой неделе узнал, что

именно такие – чистые, с незапятнанной историей – организации требуются в создаваемом городском Союзе студенческого самоуправления. К власти Володя особо не стремился и ни пионерской дружиной, ни студенческим научным кружком никогда не руководил. Но перспектива участия в студенческом союзе как полномочного представителя целого фонда манила Володю. Проект устава ему вернули, исчириканный замечаниями в двадцати местах, но он уже задумался, а стоит ли продавать фонд – потом, когда его всё-таки зарегистрируют.

По случаю похода в управление Володя сегодня оделся парадно: малиновый пиджак, чёрный бадлон с белой надписью LIMITED на груди и чёрные же джинсы. Сдавать в гардероб свой серый пуховик с капюшоном он тоже не стал и положил его на соседний, свободный стул.

Профессор Горелов делал очень небольшие паузы между предложениями. Успеть записать всё за ним было непростым делом даже для тренированных отличниц с первых парт.

Между тем подошло время перерыва, а тема всё никак

не заканчивалась. Для таких случаев у Ромы был в ходу свой прикол – на обрезе страниц его Гражданского кодекса карандашом было написано слово ПЕРЕРЫВ. Володя обернулся посмотреть, не направляет ли уже Роман свой кодекс, как магическую книгу заклинаний, в сторону лектора. Но на этот раз профессор Горелов опередил его.

– У нас ведь последнее занятие на сегодня, так? – Горелов откашлялся. – Мне ещё потом в полпредство надо... Как вы смотрите на то, чтобы послушать без перерыва и закончить раньше, а?

Разочарованный ропот слился с одобрительным гулом тех, у кого явно были планы на этот вечер пятницы. Закончить поскорее было совсем неплохо. Женя с Володей переглянулись, Володя только руками развёл – у них план на вечер уже был.

На пару после похода в управление юстиции Володя пришёл главным образом потому, что сегодня вечером Женина группа собиралась на даче у их одноклассницы, Маши Завершинской. Вписаться в мероприятие и было желанием Володи, из-за этого он и не хотел пропускать гражданское право. Группа, в которой учился Володя, редко собиралась на тусовки. Последний Новый год в общежитии вполне удался – было довольно весело. Но до следующего Нового года было ещё почти девять месяцев. Праздника же хотелось уже сейчас, а тут как раз Женина третья группа собралась отме-

чать 23 Февраля, объединённое с 8 Марта.

До этого Володя с третьей группой тусить не ездил, и в эту первую поездку он не хотел быть незванным гостем. «Решим в перерыве, всё нормально будет», – сказал Женя.

– А следующую лекцию мы посвятим основам обязательств, обязательственного права. – В зале послышалось шевеление, зашуршали тетради и открываемые сумки. Профессор тоже сложил свои бумаги в папку. – Моей группе – быть готовыми по праву хозяйственного ведения и праву оперативного управления. До свидания.

Улица дунула в лицо сырым ветром. В свете фонарей падали крупные медленные снежинки. Вместе с общим потоком дождавшихся окончания пары Володя и Женя вышли на крыльцо факультета. Хоть перерыва и не случилось, но все оргвопросы Женя решил, пока спускались вниз по лестнице до выхода: Володю взяли в тусовку без проблем.

Пешеходную часть от проезжей части отделял чахлый газон, обнесённый с трёх сторон низкой оградкой. К своей блестящей вишнёвой 99-й «Ладе» прямо через газончик двинулся сосед Романа по парте и хозяин газеты «Вчера» – Илья, тоже из Володиной группы.

– Илья, счастливо, – Володя протянул руку.

– Володя, пока, – широкий Илья был тоже краток при ру-

копожати. Володя симпатизировал Илье, хотя много они и не общались: наверное, в Илье ему нравилась как раз его немногословность.

Илья в общении был очень спокойный, не резкий, а вот его манера вождения была весьма заводная. Как-то раз Володя поехал с Ильёй от факультета до метро. Илья крутанул рулём влево, резко взял с места... и практически упёрся в водительскую дверь большому синему седану, который делал разворот на трамвайных путях. Надо было видеть глаза шофёра той синей машины! Илья оставил до его двери зазор, наверное, всего в несколько сантиметров. По средам, когда выходила газета «Вчера», Илья всегда приносил на пару свежий номер. Просто чтобы поржать над брызжущими слюной передовицами. А посмеяться там было над чем! «Космическая казнь станции „Мир“». «Бушераздирающие крики». Или: «И смеф, и Греф» – номер вышел как раз на той неделе, когда новый министр государственного имущества собрался приехать с лекцией в свою alma mater, на родной юридический факультет. А вообще у Ильи была мечта, которой он как-то с удовольствием поделился, – купить себе жёлтую «Волгу» с шашечками на борту и подъезжать на ней к стоянке, где люди ожидают такси. И сразу же отъезжать, выставив из окна руку с оттопыренным средним пальцем.

От тротуара медленно отъехали жёлтые «Жигули-пятёр-

ка» – весь актив Жениной группы, полная машина. Дворники «пятёрки» усиленно работали, разметая ползущий с крыши мокрый снег. Женя махнул водителю рукой.

Не обращая внимания на жёлтые «Жигули» и сидящих в ней своих одноклассников, из дверей факультета быстрым шагом вышла девушка в длинном пальто горчичного цвета. Её чёрные волосы были собраны сзади в пучок и убраны под берет. Она явно спешила. Жене она просто сделала прощальный жест открытой ладонью, Володе достался лишь короткий взгляд. Женя кивнул ей в ответ и не стал оглядываться вслед, но посмотрел на свои часы на запястье. Он всегда засекал время, когда намечал что-то сделать.

Улицу огласил громкий звук клаксона. В открытом окне «девяносто девятой» сидящий за рулём Илья давил на среднюю часть руля. Сигнал предназначался Роме, который стоял и курил вместе с ребятами из шестой группы. Рома интеллигентно попал с двух метров окурком в урну, перекинул поудобнее через плечо ремень кожаной светло-коричневой сумки и в два прыжка оказался у машины.

Рома спешил не зря. Фирменный номер Ильи – старт с места «с проворотом» – все смотрели снаружи, а он, Рома, практически участвовал в нём, сидя внутри авто. Истошно взревел разгоняемый вхолостую двигатель, перекрывая да-

же шум трамвая, гремевшего по рельсам за перекрёстком. На шум уже обернулись все стоящие у факультета, хотя многие видели это уже не по одному разу. Уложив стрелку тахометра в красную зону, Илья резко бросил педаль сцепления. Передние колёса вспенили грязь со снегом и чёрными прошлогодними листьями. Разрезая воздух, машина рванулась к перекрёстку – улица, на которой стоял юрфак, пересекалась с широким, в шесть полос, проспектом. Многие не смогли сдержать улыбки, кто-то крутил у виска пальцем.

– Сцепуху же сожжёт! – проворчал Женя. Водительские права он получил, но машину, правда, не водил.

– Ну да... но красиво же, скажи? – Володя легко толкнул Женю локтем в бок. Володя водил машину, но она у него была временно не на ходу – старенький генератор приказал долго жить.

– Красиво, красиво, – Женя кивнул. – Идём, Вова!

– Ну, пока, девчонки! – Инна попрощалась с подружками и подошла к Володе с Женей. Выглядела она очаровательно. На ней была короткая шубка из кролика, ярко-красный шарф и такой же красный берет.

– Ты как, Иннуля, едешь? – спросил её Володя. – Мы на платформе Раздельная собираемся, давай с нами!

Инне нравился спокойный характер Володи, немножко хитрый прищур его серых глаз и сосредоточенность во взгляде.

де, однако у неё уже был постоянный молодой человек, из другого института – кажется, химико-технологического.

– Мальчишки, я бы рада, но мне ещё дома переодеться. Не буду же я в лесу в таком прикиде, – Инна коснулась рукой своей юбки – чёрной и не по сезону короткой, – так что я сразу со своей Шелгуновки поеду. Ты, кстати, Вова, Алину с собой берёшь сегодня?

– Да мы уже с ней того, расстались, – потупился Володя.

Женя хмыкнул. Они с Володей в прошлом году съездили с подружками к Жене на дачу. За грибами. Комары, конечно, кусали только девочек. Алина, Володина подруга, с самого начала была против поездки, и не зря – с ней весь день что-то происходило. Сначала она провалилась в старую лесовозную колею, заполненную водой, – и ушла в неё почти по пояс. Потом она наступила на ужа и бежала, сбивая подберёзовики. Затем, когда они грелись у костра, на Алине загорелась её синтетическая куртка, пришлось снова заливать Алину водой.

С Володей они познакомились осенью, на дне рождения у Инны. Она оказалась то ли одноклассницей, то ли подругой одноклассницы Инны чуть ли не из пятого класса. Алина смеялась Володиным шуткам, но позже стало ясно, что для хороших отношений этого маловато. Загородный отдых и прогулки по промышленным улочкам города, которые так

направились Володе, Алина переносила плохо. Она не разделяла Володиной страсти к «заброшкам» и не ходила там фотографироваться.

В какой-то момент Володя так устал от Алининых претензий, что его стала раздражать даже её причёска – когда почти прямые пряди спускаются от макушки, мимо ушей вниз, и чуть загибаются наружу. Эта похожая на колокол стрижка в сочетании с чуть приплюснутым спереди носом делала Алину похожей на лошадь.

К тому же у неё был годовой абонемент в филармонию. Володя же на концертах в филармонии засыпал. Если же не спал, то искренне веселился, видя людей в зале, которые слушают музыку с закрытыми глазами.

В общем, после новогодних каникул, когда Алина предложила съездить на концерт под управлением Спивакова в Москву, Володя предложил ей сделать это самостоятельно.

В ответ Володя получил полный игнор и едкое замечание в том духе, что она только зря дырки в абонементе в филармонию прокомпостировала.

– То-то я смотрю, она мне давно про тебя ничего не говорила! – засмеялась Инна.

– Она ещё про меня тебе рассказывала?

– Не обращай внимания! Я с тобой с радостью готова пойти по твоим старым рельсам! Пошли лучше вместе до мет-

ро? – Инна обращалась уже и к Володе, и к Жене.

– До метро? – Володя взъерошил причёску – русые волосы почти на пробор, длинноватые, пора бы уже и подстричься сходить. – Через гаражи? – Это была короткая дорога, кривая и не очень ровная, но время она здорово сэкономила.

– Конечно! И Женя беляшей своих любимых сможет у метро купить! – Инна звонко засмеялась.

– Спасибо, Иннуш, у нас ещё тут с Вовой небольшое дело... – Женя переложил портфель из одной руки в другую.

– А-а! Ну, у вас, как всегда, какие-то тайные планы! – Инна заулыбалась ещё больше. – Ладно, я пошла тогда. Увидимся на даче! – С этими словами Инна повернулась и зашагала в сторону другого проспекта – узкого, зато с трамвайным движением.

Володя с Женей тоже не стали никого ждать, но пошли от крыльца в другую сторону.

Глава 2

Женя смотрел на часы. Брюнетка Марина, которая с ним так кратко попрощалась, не ехала сегодня на дачу к Завершинской – она вообще редко туда ездила. Но меньше от этого Жене она не нравилась. Конкретно сегодня она не ехала на дачу, потому что у неё были вечером дела в городе – так она сказала об этом Жене. Насчёт «дел Марины в городе» Женя имел своё мнение. Он считал, что она идёт на свидание с другим парнем. По доступным Жене сведениям, тот парень был тоже студентом-химиком – возможно, даже однокашником молодого человека, с которым был роман у Инны. Хотя это сейчас не имело большого значения. Для Жени сейчас было важно понять, идёт ли Марина встречаться с химиком, или у неё на самом деле есть какие-то обычные дела в этот вечер пятницы.

– На про-спе-кте её он будет ждать, – по слогам произнёс Женя ответ на вопрос Володи, зачем идти к метро таким крюком. Они стояли на углу с широким проспектом в ожидании зелёного сигнала светофора. От стоящей неподалёку тёмной громады хлебозавода ветер нёс приятный аромат сдобы.

Разумеется, свидание могло состояться где угодно, хоть бы и на станции метро, где жила Марина. Но Женя по-

ставил все фишки на то, что встреча произойдёт в районе юрфака. Эта версия Марининового вечера была вполне возможной – кроме того, её можно было проверить в натуре.

– А если будет ждать, но не на проспекте? – первое, что пришло в голову Володе. Он без колебаний согласился составить Жене компанию в его разведывательной операции.

– Значит, просто поедем на дачу! – Женя улыбался, как Чеширский Кот, одним ртом, не включая другую мимику.

Женин план был прост и строился на предположении, что прямо к зданию факультета химик подходить не решится: он тоже что-то знал про Женю. Марина редко ездила до метро на трамвае, поэтому она, скорее всего, пойдёт на проспект. Не светясь перед дверями юрфака, химик будет ждать её на проспекте – у остановки троллейбуса. Проспект широкий, большой, с красивыми домами и деревьями. Так что если они не сядут на троллейбус, то они вполне могут пойти к метро пешком. А раз так, то, сделав петлю вокруг квартала, можно вполне, как бы случайно, перейти им дорогу – на следующем перекрёстке.

Набережная была пустынна: желающих гулять вдоль вмёрзших в лёд кораблей было мало. Мимо с грохотом прошёл трамвай. Внутри вагон был тускло-жёлтым, в чёрных переплётах окон сидели и стояли пассажиры. За разговором о том, круто ли записаться в ополчение в Югославию на сто-

роне сербов, Володя и Женя обогнули квартал и снова вышли на проспект. Остановились на том, что если летом завалят гражданское право, то в ополчение их и так возьмут. Если, конечно, война продлится до лета.

Горящие окна хлебозавода светились прямо перед ними. Женя отвёл обшлаг дублёнки на левой руке. На то, чтобы обойти квартал, они потратили всего девять минут.

– Идём в графике, – отрывисто сообщил он Володе. – Сейчас что-то будет.

Загорелся зелёный свет, и друзья пошли переходить дорогу.

– Смотри, смотри! – просипел Володя и схватил Женю за плечо.

По пешеходной дорожке, отделённой от проезжей части линией коротких кустов, под ручку шли Марина и студент-химик. Химика – кажется, его звали Виталий – Володя видел живьём всего второй раз. Химик держал Марину под руку, но их всё равно разделяло «пионерское» расстояние. Главным было то, что план Жени сработал – их с Володей курс пересекал направление движения Марины с кавалером.

С проезжей части Женя и Володя шагнули на тротуар и прошли буквально в метре перед носом у парочки. Те встали в ожидании своего зелёного света.

– Привет, Женя, – химик сказал это с почти искренней

улыбкой, но Марина тут же сильно дёрнула его за руку, сверля Женю взглядом.

– Угу, – буркнул Женя.

– Он даже, как тебя зовут, помнит? – шепнул Володя.

– Да-ах! – махнул Женя рукой. – Уходим отсюда! Быстро! Сработало!

Марина обернулась им вслед, но в ответ ей никто не оглянулся. «Разведчики» уже быстрым шагом шли по тёмной улице прямо к узкому проспекту, где Инна наверняка уже садилась в трамвай.

– Так откуда всё-таки он знает, как тебя зовут? – вернул прервавшийся разговор Володя. Эксперимент явно удался. Но Володя не был таким докой в психологии и не понимал, радоваться тут или огорчаться. «Значит ли это, что Марина рассказывает химику про все свои институтские секретики? Да и что вообще творится на душе у Жени после увиденного?»

Внешне Женя был спокоен, как танк.

– Это-то как раз неудивительно. На дне рождения у неё и познакомились.

Володю Женино спокойствие никак не убедило.

– И кто у неё парень по итогу, он или?..

Несколько домов они прошли молча. Остановку, где обычно девчонки ждали трамвая, они только что миновали, но под остановочным фонарём было пусто.

Наконец Женя отозвался:

– Там всё в динамике. Даже если парень – он, ей всё равно чего-то не хватает. Они со школы знакомы, уже ничего нового...

– Понятно. И тут ты?

– Как-то так!

– Как «Люди в чёрном»? – Это был новый, необычный фильм. На потоке было трудно найти человека, который бы на него ещё не сходил. – Промелькнул мимо неё с чёрной палочкой, махнул, и она тут же забыла, что идёт с этим, химиком... как его?..

Последний большой перекрёсток, с расходящимися в четыре стороны трамваями, остался позади, и взору открылся павильон станции метро.

– С Виталием. Беяши мы будем сегодня?

Станция метрополитена была старая, располагалась в центре их острова, и вокруг неё всегда былолюдно. Над входом в метро нависал длинный бетонный козырёк. Левее ступенек, ведущих ко входу, стоял ряд продуктовых ларьков, объединённый общей крышей. Вопрос относился к крайнему ларьку, где вокруг полутёмного окошка царил запах жареного.

Женя, в отличие от Володи, никогда не питался в университетской столовой, да и в целом в общепите, но для беля-

шей из этого ларька делал исключение.

Беляши лежали в лоточке за стеклом двумя аппетитными рядами. Бугристое, чуть блестящее тесто говорило о том, что испекли их сегодня. Женя пристроился к окошку и достал из куртки чёрный кошелёк – кожаный и очень потёртый.

– Будем. Мне один. Она ведь так забудет всё, что было и у вас?

– А мне два, пожалуйста, – подытожил Женя уже продавщице, – и ещё один беляш для друга. Не забудет она, я ей напомним.

Володя и Женя отошли от ларька с запахом жареного и встали у газетной палатки. Сейчас она стояла закрытая, а по средам здесь продавали ту самую газету «Вчера». Беляши были отменные. Пропитанный маслом мякиш, как и положено, не прилипал к сочной котлете, но отлично её дополнял.

– На день рождения-то ко мне она одна придёт, – наконец произнёс Женя, расправившись со вторым беляшом.

– Ну так и прекрасно. – Володя искренне завидовал другу, что тот реализовывал такой многоходовый план. Женя как-то прочитал переводную английскую книжку про теорию личности и теперь к месту и не к месту применял знания на практике. – Может, пива сразу?

– Не-е, не спортивно! Там возьмём, – сказал Женя, бросая в урну пропитанную маслом салфетку. – В восемь – на плат-

форме?

В жизни любого мужчины-студента нет-нет да и есть военная кафедра, она же военка. Само название «военная кафедра» тогда, в 1999-м, уже начало устаревать, и по-новому то место, куда парни ходили с утра по средам, стало зваться «факультет военного обучения», хотя суть явления не изменилась.

Стоявшие во внутреннем дворе кафедры артиллерийские тягачи с табличкой «Вода слита» на радиаторе, секретные тетради, сдаваемые после лекции в чемодан секретчику, да редкие занятия по топографии и тактике были почти единственным кусочком военной романтики во всём обучении. В остальном военно-учётная специальность Володи, Жени да и всех остальных студентов юрфака была пресной и откровенно тыловой – помощник командира части по правовой работе.

Ну чем они будут заниматься в армии по своей специальности, если наступит «особый период»? Визировать приказы командира? Вести делопроизводство в военном трибунале? Проверять, сколько в ротной душевой кранов (сосков) и на какой высоте над уровнем пола они висят? Реального противника тут и не увидишь, даже в бинокль. То ли дело студенты других факультетов, где учат точным наукам! Из них на военной кафедре готовили артиллеристов, артил-

лерийских разведчиков, даже ракетчиков. В соседнем районе был вполне мирный институт лесоустройства – так вот у них на военке готовили лётчиков-наблюдателей – штурманов бомбардировочной авиации! Земля, видная в маленьком окошке и стремительно проносящаяся внизу, запах нагретой проводки в кабине, квадраты и координаты целей, ощущение того, как самолёт стал легче после сброса бомб... в общем, героические специальности были у всех, только не у юристов.

Надо сказать, что Женя, в отличие от Володи, к обучению на военной кафедре, относился спокойно, ходил туда, как все, без особого энтузиазма. Но иногда на практических занятиях Женя выдавал такие креативные идеи, которые восхищали даже бывалых военных преподавателей.

Например, неделю назад на военной топографии, у большой карты на стене, майор дал им вводную. Вы – командир взвода, находитесь вот здесь, на этом берегу, у вас есть грузовик ЗИЛ с кунгом (такая большая будка) и БМП (боевая машина пехоты). Вам надо быстро переправиться на тот берег, догнать своих... Ваши действия?

Кто-то предложил пересадить всех на БМП и переплыть реку на ней. Кто-то нашёл в дальнем углу карты мост или брод. Володя обнаружил в посёлке, куда ткнула указка майора, церковь с припиской «дер.» – деревянная. Он предложил раскатать её на брёвна и сделать плот, на котором мож-

но будет перевезти ЗИЛ. Майор заулыбался. Но особо майор всё-таки отметил Женин ответ. «Зима же за окном, – приподнялся, опершись руками на парту, ухмыляющийся Женя Шуршалин. – По льду все и переедут!»

Дома Володины родители тоже собирались идти в гости. Володя быстро переоделся, так же быстро расправился с жареной картошкой с сосисками. На даче, конечно, покормят, но во сколько они туда ещё приедут!

– Тебя Терехов искал, Саша, по телефону, – мама в красивом платье зашла на кухню. – Очень просил тебя сегодня ему перезвонить.

Терехов был Володиным школьным другом. Именно он вовлёк Володю в тему проведения необычных экскурсий. У самого Терехова был другой жанр, другой конёк. Он знал дома, в которых когда-то жили поэты, писатели и их разнообразные музы. От этого экскурсии получались художественными и с ноткой того самого декаданса, за которым многие и едут посмотреть этот город.

– Володич, привет, – хрипло начал Саша. – Спасибо, что перезвонил. Я заболел, а завтра насчёт экскурсии уже договорился. Подменишь?

– И не снести? Я на дачу еду, уже вот прямо выезжаю.

– Не снести. Понимаешь, они из другого города, уже едут сюда. Краснодар или Ростов, я не очень понял. Три студент-

ки, между прочим! Смотри – выручай! Температура у меня...

Володя секунду колебался, но вариантов, похоже, не было. Другу надо было помогать.

– Саша, конечно, проведу, какие вопросы. Давай координаты, куда приходить, и всё такое.

Придётся пораньше с дачи вернуться, ну и ладно.

Кассовый зал платформы Раздельная был втиснут между продуктовым магазином и общественным туалетом. Желающих уехать на электричке из города тут хватало, несмотря на поздний час. Женя с Володей посмотрели на очередь к единственному работающему билетному автомату и встали за теми, кто стоял в обычную кассу, – их было меньше.

Ожидая, пока подойдёт очередь, Володя читал заголовки на стойке с газетами. Половина из них была о новых бомбардировках Югославии, произведённых авиацией НАТО накануне. Ударам подверглись объекты нефтехимии, из-за чего в Черногории теперь шли чёрные дожди. Ничего, думал Володя, у нас здесь цветной дождь выпадает и без бомбардировок. Один старший товарищ, юрист, поехал прошлой зимой в районный суд на восток области, где добывают бокситы – алюминиевую руду красного цвета. Поехал в белой куртке, а вернулся в белой с красными пятнами – попал после заседания суда под бокситовый дождик.

Кроме обычных бомб, в Югославии в этот раз в ход пошли

и новые бомбы – графитовые, разбрасывающие мягкие волокна, опутывающие электрические провода и вызывающие короткое замыкание.

– Как ты думаешь, а у нас есть такие графитовые бомбы, как у америкосов? – Перед Володей и Женей в очереди в кассу было всего три человека. Стены полутёмного кассового зала были окрашены в колер «кофе-из-ведра» и, казалось, помнили ещё Ильича, который тайно приехал на эту платформу из-за границы – руководить революцией.

– Есть, наверняка! – Женя повернулся боком, пропуская сквозь очередь бабушку с тележкой. – Помнишь, я у Горбенко спросил в среду – а разрабатываются ли у нас графитовые боеприпасы?

– Не помню. – Володя заулыбался. Очередь продвинулась, перед ними оставалась всего одна женщина. – И что, наш подпол про это знает?

– Он сказал, что мы делаем карандашей больше всех в мире, поэтому и на бомбы у нас тоже графита хватит! – Женя наконец оказался перед кассовым окошечком. – Туда и обратно берём?

– Ха-ха-ха! – Володя заржал, именно подполковник Горбенко озадачивал его рисованием танков на прозрачной плёнке. – Конечно, бери в оба конца. – И тут же задумался: «И на картине надо нарисовать, как бомбардировщик бросает графитовые бомбы. Только чей это будет бомбардиров-

щик?» Но вслух спросил: – Денег дать тебе?

– Не, не надо! – Женя аккуратно зажал между пальцами два бело-зелёных билетика. – Ты лучше пива купишь сейчас.

Со своего места, под циферблатом часов, Володе была хорошо видна электричка, тормозящая у платформы длинной, скрипящей змеёй. В том же магазинчике за кассовым залом были куплены четыре бутылки пива «Степан Разин», чипсы неправильной формы из настоящей картошки и, наконец, бутылка «Медвежьей крови» – Володин взнос в общий котёл праздника.

Сесть в набитом по-пятничному вагоне электрички было невозможно, всё было плотно, поэтому Володя и Женя вышли с пивом в тамбур. Открывалка для пива была на перочинном ноже у Жени. Тёмные бутылки отечественного пива с красной этикеткой и золотой фольгой на горле открывались только так. Как вариант – об подручную железку. Пробки с хвостиком для открывания были только у пива Gösser из рекламы – с альпийскими лесами и горными ручьями. Но такого пива в магазине на Раздельной не было.

Женя сперва открыл Володину бутылку и передал ему, затем открыл свою.

– Ну, будем здоровы! – убрал ножик Женя. Пробка на Володиной бутылке прицепилась за краешек фольги. – Какой у нас план будет, до победного?

Володя сделал большой глоток из бутылки.

– Давай без экстрима. Мне завтра экскурсию вести. Саша попросил, заболел он.

Женя кивнул:

– А во сколько у тебя экскурсия?

– Да в час дня. А ты как, свободен завтра? А то пошли, там три девушки будут, пообщаемся!

Женя помотал головой:

– Владимир Сергеевич! Я бы рад. Но я завтра точно не могу, еду днём репетиторствовать.

– Ты – репетитор?! – Володя от смеха даже поперхнулся пивом. – Ты не говорил! Какой предмет будешь подтягивать? Абитуриентка, поди?

– Да ладно тебе. Ну да, абитура, ей ещё и восемнадцати нет! – сделал серьёзное лицо Женя. – Там... она поступать к нам будет. На следующий год. Основы права и государства надо рассказать.

– Восемнадцати нет? Ты там осторожнее, с основами!

Разговор на минуту прервался. Двери открылись, на платформе Пруды вышло много народу, но почти столько же и вошло.

– Как же ты пьяный-то завтра поедешь, педагог, как будешь знания нести? Ты ж и так конспектов не ведёшь, что ты ей расскажешь?

– Так решили ж без нажима? – Бутылки чокнулись. – А так там всё по белой книжке. Прочитаю в любом состоя-

нии.

– Для поступающих? Пособие наше?

– Ну да, оно самое! Я ей уже отнёс книжку эту, и надо будет по важным местам погонять её просто. Проснёмся, не поздно, и поедем сразу в город.

– Давай так. – Володя убрал допитую бутылку в пакет. – Где второе пиво, у тебя?

Женя кивнул. В тамбур вышел парень с плеером на шее и с безразличием посмотрел на Женю и Володю. Чуть приглушённые наушниками, Сергей Лемох и «Кар-Мэн» заполнили тамбур.

Электричка продолжала свой путь, миновав ещё пару станций. За это время в вагоне дважды на несколько секунд гас свет.

Володя смотрел на пробегающий пейзаж через тёмное стекло двери. Предостерегающие буквы на нём, которые раньше были надписью НЕ ПРИСЛОНЯТЬСЯ, а сейчас были частично затёрты, как-то по-новому смотрели на него. Володя вчитался в написанное.

– Женя, смотри, как тут прикольно написано – НЕ ПИСС!

Женя моментально повернулся и прочитал надпись на своей двери.

– Смотри, Вов, а у меня – НЕ ПОНЯТЬ!

– Или, как бывает в метро, Я ПАССАЖИР – ТЫ ИНВАЛИД!

– Ты и такое видел? – Женя уже допивал своё пиво. Мимо проносились тёмные пирамиды ёлок, торчащие из снежной равнины.

– Видел. Когда нам выходить? Через одну?

– Да ты прямо дедукт! Сейчас Черноостров проедем, а потом наша.

Володя допил свою бутылку и, несмотря на полузатёртый запрет, прислонился к двери.

За стеклом действительно показался Черноостров. Мелькали силуэты приземистых домов с квадратиками горящих окошек. Электричка сбавляла ход, тряхнуло; в тамбуре снова моргнул свет.

То, что было потом, Володя впоследствии будет вспоминать часто. Из-за полностью чёрного, без окон, дома у пригорка в лицо ударил светом большой прожектор с высокого столба. В следующее мгновение вагонные двери раздвинулись – и Володя почувствовал, что падает наружу. Морозный воздух ударил в лицо, руки сами закрыли голову. Кадр как будто замер: следом летел Женя, впереди летел его портфель. Почему-то вся жизнь не мелькала перед Володиными глазами, как об этом пишут в книжках. Только и вертелось, что пара пива «на борту», возможно, смягчит удар. Страшно визжала пассажирка, вышедшая в тамбур. Натужно скрежеща железом по железу, тормозила вздёргнутая стоп-краном электричка.

Снежный откос стремительно приблизился к Володе, как твёрдый мат на физкультуре после неудачного прыжка к высоте. Мир вокруг вздрогнул, и стало темно.

Глава 3

В дверь комнаты постучали, и Володя проснулся.

Кровать, на которой он лежал, была больничного вида – клеёничатая, одеяло – байковое, видное в прорезь-ромбик пододеяльника. Стены – крашенные серым. Сразу понятно, что находится он не дома и не на даче. Комната была совсем небольшая – метра три на четыре, платяной шкафчик у стены, у другой – одноногий стол, прибитый торцом к стене, окно с тёмным морёным наличником, а между шкафчиком и окном – кашпо с цветком.

У кровати стояли тапки – кожаные, с дырочками, вроде тех, что носили работники режимных советских предприятий. А на столике лежал кожаный планшет с ремешком. Натуральный военный планшет!

Володя напрягся. Что-то всплыло у него в памяти. Последняя лекция, пиво в электричке, темнота, снег, Женя, падающий рядом.

Между тем всё понятно: это больница, его нашли на перегоне и сюда поместили. Отдельная палата – удачненько. До этого Салтанов никогда в больницах не лежал, но по телерепортажам и фотографиям представлял всякие госпитали именно так. Нет! Планшет-то тогда откуда? Планшет... казённое одеяло, тапки эти. Нет, это не может быть больни-

ца. Он в милиции!

Володя почувствовал неприятный холодок во всём теле. В таком процессуальном качестве, в такой роли находиться в милиции ему совсем не улыбалось. Напился, совершил... прислонение к дверям поезда. Тётя та, в тамбуре, которая визжала и дёрнула стоп-кран, – наверняка её как свидетеля по делу привлекли уже. Вот напился, голова раскалывается... сейчас за мной придут.

Сквозь туман в больной голове Салтанову ёкнуло – а ведь на четвёртом курсе читают уголовно-исполнительное право. Байки всякие старшекурсники про то рассказывали. Как вести себя на допросе. На зоне как себя вести. Татуировки какие можно колоть – перстни разные там, надписи типа БОСС – «был осуждён советским судом», или ЯХТ – «я хочу тебя». Какие наколки колоть не следует – улей с пчёлами, например, особенно на ягодицу. Как койку в камере правильно занимать. А он не то что на зоне – в милиции-то ни разу не был толком, только когда паспорт получал и понятым – по случаю. А Женю его, наверное, в другой комнате сейчас «колют». А может... может быть, вся электричка улетела с рельс! И жертвы есть!

Стук в дверь был абсолютно не тем, чего ожидал Салтанов. Володя встряхнулся и уставился на дверь. Комнатой яв-

но кто-то ошибся. Ну кто ещё в этом милицейском отделе может быть ниже его по своему положению и так осторожно стучаться?

А! Может быть, за ним пришёл добрый следователь? Как в книжках, в детективах! А «злой» сейчас Женю «канифолит»? Но просто ждать чуда было нельзя, надо было что-то делать.

– Да! – ответил Салтанов каким-то не своим – неожиданно низким голосом.

Дверь открылась, и в комнату вошёл, отдав воинское приветствие, молодой сержант в полевой форме. На рукаве был нашит российский триколор, но сама форма, рисунок её камуфляжа, была Володе абсолютно незнакомой – он такой раньше не видел. «Военный, а не мент! Странно, – мелькнуло у Салтанова. – И на аспиранта с кафедры трудового права похож, зачёт принимал в декабре, тоже такой же рыжий и худой». Чуть наклонившись к кровати, сержант произнёс:

– Товарищ полковник, вставайте. Через 45 минут вас ждут в штабе корпуса. Катер уже скоро будет. Разрешите идти?

– Э-э-э-э... хорошо, сейчас буду... идите! – сдерживая улыбку, произнёс Володя и непроизвольно махнул рукой на «аспиранта», как на привидение, которое нужно отогнать.

Вот же бред! Они приколисты тут, в этом отделении?! Катер – да ещё в марте! Штаб! Корпус! Володе резко захотелось прилечь. Сейчас он оденется, выйдет за дверь и окажется

в сером милицейском коридоре. «Что, неужели теперь и милицейские узики заставят рисовать на прозрачной плёнке? Машины с водомётами против несогласных, дубинки и гранаты?»»

Мысли в голове продолжали набегать одна на другую. «И где мои бинты? Неужели я так хорошо приземлился? Ладно... Шутка смешная, но не про меня». Пора было одеваться и идти к следователю, который так над ним приколотся.

Но странности продолжались. Одежда, сложенная аккуратно на сиденье стула, была явно не Володина, но другой не было. С глуповатой ухмылкой, стоя посреди комнаты, Салтанов вертел в руках рубашку с короткими рукавами, неяркого зелёного цвета, с пришитыми на плечи полевыми полковничьими погонами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.